

Выживание чувств

DOI: 10.53953/08696365_2025_194_4_319

Фролов А. Интуитивные страницы / Предисл. Л. Хереш.

М.: Флаги, 2024. — 268 с.

«...Мы прошли через симметрию глин и одновременность рук и смерти по некоторой стороне тепла четырьмя белыми водами, наизусть завязанными в глоток — в север пыли, кричащей во впадинах жизней, как поленья в дровнике на всю “ы” зимы» (с. 70). Если текст включает фрагменты с таким стилем, едва ли наличие дат их написания сможет сделать его дневником. Скорее post(non)fiction. Отказ выдумывать персонажей и сюжет, которые ведут более к искусственности, чем к общению. Опора на собственный индивидуальный опыт — но отобранный и преобразованный, в том числе при помощи языка.

Даты, впрочем, тоже входят в текст — как его содержательная часть. Книга начата в марте 2022 года. Вот состояние при воздушной тревоге: «Я не знаю, как в этих условиях можно писать. Весь ресурс воображения задействован на прорисовывание прилетов ракет или беспилотников, возможных мест их попадания, одним из которых можешь стать ты. Это — состояние постоянного нахождения под прицелом. Бытие центром мишени» (с. 225). Однако текст Фролова продолжается. Хотя военная метафора пробивается даже в мысли о письме. «Текст нужно сжимать до состояния кулака, схватившего пустую гильзу. То есть в стихотворении должна быть пустота, зерно, ничто, его исток» (с. 78). И шутки грустны. «У вас град или “Град”?» (с. 34).

Человек продолжает смотреть и чувствовать мир. «Звон стекла о стекло так прост, что мне становится прохладно» (с. 45). Такое могла бы написать Сэй-Сёнагон или иной японский средневековый автор. Дзуйхицу, записки вслед за кистью, выводящей иероглифы, и есть интуитивное письмо. А ведь и эпоха Хэйан совсем не благополучное время. С 735 года трехлетняя эпидемия оспы, уменьшившая население на треть. В 822-м и 830-м — чума, умерло около половины жителей столицы. 933 год — снова оспа. 1001-й — снова чума, от которой умерли муж Мурасаки Сикибу (написавшей «Повесть о Гэндзи») и, вероятно, Митицуна-но хаха, автор «Дневника эфемерной жизни». 1181 год — голод, за два месяца умерло 42 300 человек¹. Следование кисти не прерывалось. Видимо, чувствительность не мешает выживанию — и не способствует ли ему? Боли из-за нее больше, но в то же время есть и помощь от мира, потому что вокруг замечается не только боль.

Как выйти к непораженным областям мира? Сопротивление из того, что уничтожено, вряд ли возможно — не на что опереться. Одна из возможных опор — предметы. «Медленность выпросить у рыб за спиной времени, стоящих параллельно стеклу реки, и свет, отражаясь от них, заключает себя в кавычки» (с. 37). Стесненные обстоятельства порой интенсифицируют взаимодействие с тем, что

1 Кикнадзе Д. Темная сторона средневековой Японии. М.: МИФ, 2024. С. 163–168.

осталось доступно. Деревня под Пензой, куда автору «Интуитивных страниц» пришлось спастись от войны еще в 2014-м — одновременно неустроенное убежище и зимняя сказка: «...в окнах жили щели — семействами, колониями; ветер входил через них, не пригибаясь, тревожа вечно сонную пыль, стеклянные суставы люстр» (с. 93). Пришлось клеивать окна пленкой — и у дома «ухудшилось зрение, и мы смотрели на мир сквозь близорукость его окон, будто на улице никогда не рассеивался туман» (с. 94). Вспоминаются фотографии Йозефа Судека через запотевшие окна своего дома в Чехии времен Второй мировой войны, когда любой человек с фотоаппаратом на улице рисковал оказаться в гестапо.

Еще связь с миром — чтение. У Фролова оно активизировано его работой как переводчика. Он может рассматривать текст аналитически, как стихи Лесли Скалапино: «У Скалапино своя пунктуация — много тире, скобок, двоеточий. Преобладание неличных глагольных форм, особенно герундия, что создает императив незавершенности, континуальность, в которую погружаешься, теряя чувство времени» (с. 143). А может вживаться в стихи Барбары Гест: «Я долго ходил вокруг да около этих деревянных обветренных дверей с солевыми разводами, обросших виноградной лозой, но набрался смелости и постучал. Мне открыли рыбак и художник. Завязался разговор о течениях, медленности в кубе дня, о дельфинах, танцующих на лунных дорожках» (с. 152). Причем тексты — также и предметы, как все другие. «Я перебираю книги, пробуя их на вес, чтобы вспомнить твои руки в моих» (с. 61).

Потому что очень важная опора — «обращение автора дневника к “ты”, его постоянной спутнице и собеседнице», как пишет в предисловии Елизавета Хереш (с. 12). Это обращение — только начало действий, направленных к «ты», без которых слова не стоили бы ничего. «Ты в крупнозернистом свете — легче воздуха — прорастаешь в мою кровь, мысль, строку чистым движением — иероглифом корней суховея — невозможностью описания, спящей внутри каждой вещи, пока язык не коснется ее летаргии и силы весны не проломят кальциевый шелк к ее оболочке» (с. 239). Близкий человек как тепло, легкость, возможность. У любимой многому учишься, за ней следуешь, но для нее тоже получается что-то сделать и открыть. Она — та, кто поддерживает, кого поддерживаешь. Разумеется, не всегда удается взаимопонимание, однако на то и многообразие взгляда и действия, чтобы попытаться восстановить. «Мы настолько обязаны друг другу, насколько даем друг другу свободу» (с. 15). Нужно вспомнить об этом во все более несвободном окружении. И есть близость и в памяти — в книге постоянно присутствие умершего отца.

«Сегодня ночью в Ростове упал первый беспилотник. (Надо не забыть разморозить холодильник)» (с. 236). Дела, которые следует делать (также и чтобы не сдаться тоске). Размораживание холодильника — еще и капель, зимнее окно в весну. Поддерживают книги (а иначе зачем они?). Поддерживают попытки понять (и не только катастрофу, потому что жизнь продолжается). Жить несмотря ни на что. И одновременно — не забывать и не прощать. «Отменяет ли смерть вину за содеянное? Образующаяся дыра в месте казни преступника засасывает ли золу памяти родственников насмерть замученных жертв?» (с. 33).

Опыт существования в катастрофе можно соотнести с прозой Леона Богданова, опытом существования в вязкой советской неподвижности. Тогда произошел отказ от литературы великих идей и великих проектов, возврат внимательности к предметам рядом. Возможно, Богданова порой ограничивает свойственная многим, начиная с «лианозовской школы», перестраховка, когда автор из-за риска лжи многообразных смыслов отказывается от них совсем. Видимо, только фиксация событий недостаточна. «Писать о том, что произошло с нами — концентрированно, — двигаясь обходными маршрутами — достраивать себя в каком-то промежуточном

пространстве, находящемся между памятью и забыванием, обретая трехмерность» (с. 92). Разумеется, нужна публицистика, чтобы понять, как мы дошли до такого, как постараться не допустить этого в дальнейшем. Одновременно нужно жить в происходящем, другой жизни не будет. При необходимости Фролов говорит прямо, без украшений. «Я видел девушку с ампутированной рукой, выходящую из машины. Также много мужчин без ног или рук, на костылях, полулежащих на скамейках в парках, словно на больничных койках» (с. 209). Повествовательные фрагменты книги Фролова — также и привязка к времени, опорные точки, необходимый скелет, который тем не менее мало что сможет без подвижности языка. «Вазы смотрели или старели? Угол изогнулся пятеркой» (с. 38). Так продолжается работа Александра Введенского? Владимира Казакова?

«Когда страшно, дверь стучит сама в себя, или это кровь стремится выйти наружу. Деревья уже по шею в этом» (с. 61). Мир полон страхом. Но не только им. «Я пью черный кофе вместо хождения босиком по земле. Глоток и кожа ступней чувствует маслянистый холод. Гигантский махаон хлопает крыльями, и ночь волнами бьется в висок» (с. 32). Это не дневник. Это книга восприятия, спектра его возможностей. Его развития и улавливания разнообразия мира, наполненности и переменчивости, где есть и «лицо Леонардо да Винчи в почерстевшей от него до гранита воде» (с. 37), и еще вращающееся колесо только что положенного на землю велосипеда. Неспешный шаг, внимательность ассоциативной прозы. Проживание течения времени, современная медитация — например, при поездке по железной дороге. Одна из целей прозы Фролова — детализация, индивидуализация всего: «...поструйно прощупывать дождь, пальцами называя каждую, кроме безымянного, от которого капли сбиваются с траектории, выпуская шипы» (с. 56). Стремление войти с миром в личные отношения. Порой сомнение в своих действиях и своем существовании. Порой отчаянный поиск в хаосе слов и жестов: «...твоя ладонь сдвинулась... насколько я понимаю... я стою под... под стоит я... мое это а... любое а... а под... твой рот вмерз в мой... находясь под моим... мое понимание я для твоего... я... а...» (с. 53). Вроде бы спонтанная речь — однако связанная памятью автора, обнаруживающего связи. Это не автоматическое письмо: «...даже в абстрактной композиции за каждым элементом должно стоять “зачем”» (с. 186). «Пойдем посмотрим на то, как в комнате никого нет». Этому хорошо обучает чтение хайку Басё» (с. 103). Для Фролова важно восприятие и присутствия, и отсутствия — вместе с готовностью к бедному миру, где можно слушать, как не течет из крана отсутствующая там вода.

И одновременно попытки понять, как возможно писать, что письмо может, а что нет. Автор создает то, что пишет, своим образом жизни — и сам создаваем тем, что пишет. «Порой кажется, что “я” осознается только в моменты встречи с миром. В остальных случаях это — блуждание с завязанными глазами» (с. 201). Для встречи с миром также и письмо. «Интуитивные страницы» порой не без очевидностей, порой захлебываются миром, его многоцветностью и многогранностью? его хаосом? Но экспериментальное оборудование никогда не работает идеально все время. И слово при вслушивании необычно: «...от-к-рой — рой от к» (с. 51). Письму требуется весь мир. Оно устанавливает (возвращает) с ним связь.

«Безликие, стоящие полукольцом перед каждым. Они просачиваются сквозь время. Кто-то утверждал, что их присутствие и есть настоящее. Вес каждый секунды — вес их присутствия — прогорклых, бесснежных, нависающих свинцовым куполом, пропитанных до сердцевины сумерек» (с. 118). Давящее всегда рядом. Человек постоянно под давлением общества, всегда собирает себя из хаоса. Источником тревоги является и болезнь. Например, операция у мамы. «Скальпели просыпающейся опухоли города вскрывают слух. Мысли о маме превращают окру-

жающее в палату. Долго не убираю руку от горячей кружки, чтобы собрать внимание в пучок. Стены выдавливают меня за последнюю мысль, делая ее тенью — тяжелой, как ожидание операции, камень Сизифа, эхо пересохшей реки» (с. 232). Можно вспомнить слова Паскаля, написанные во времена религиозных войн во Франции: «Человек — всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая. Не нужно ополчаться против него всей вселенной, чтобы его раздавить; облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его убить. Но пусть вселенная и раздавит его, человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что умирает, и знает превосходство вселенной над ним»².

Фролов ироничен. «Что меня удерживает от написания крупнокалиберной прозы? Возможно, отсутствие листового чая у меня в шкафу, твои длинные ноги, луна, висящая каждую ночь в окне, неумение долго поддерживать разговор, отчасти лень, неудобный стол, непрочитанные книги, чуть влажная зелень твоих глаз, мое понимание необязательности пунктуации, разбросанные по квартире вещи» (с. 201). Он отказывается от классической обстоятельности, не работающей в мире всего перечисленного.

«Небо закрыто, но звезды не спрашивают разрешения, чтобы упасть. Щепоткой соли опрокинуть реку» (с. 160). Мир живет, не нуждаясь в позволении. Точно так же невозможно запретить любить или ненавидеть. Фролов не оправдывается. Его союзники — море, мед, кофе, клен. Выдержать, не поддаться расчеловечиванию, передать встреченное дальше. Человек отличается от не-человека также и глубиной восприятия. Не-человек в погоне за деньгами и властью отрезает от себя не только людей, но и мир. «Прогуляемся ли мы еще раз по Карлову мосту?» (с. 20). Европа есть и будет, вопреки всем ее закрывателям. «Мы играем шахматами изо льда на досках африканских пустынь» (с. 33). Дело безнадежное, но интересное. Будем продолжать. Впечатления Фролова обеспечены еще и тем, что находится за его книгой — большим количеством его стихов, поэтической прозы, переводов. Будем надеяться, что издатели дойдут и до них.

2 Паскаль Б. Мысли / Пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. С. 136–137.